

Работа проделана при поддержке гранта 450 Гр. II - 419 - 10 Международного фонда «Русский мир»

СИМВОЛИКА ВОЗДУХА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

ВОЗДУХ. Воздух символизирует невидимый человеческому глазу мир. Ф. Ницше писал о воздухе, что это наивысшая и самая тонкая из материй. Воздух это тонкая материальная реальность между земной поверхностью и космосом. Это одно из состояний материи – газообразное. Воздух используется как символ невидимого мира. Воздух есть один из четырёх элементов. Конденсация воздуха создаёт воду - источник жизни, при его компрессии возникает огонь – условие возникновения всех форм жизни. Многие восточные философы считали воздух хранилищем жизненной энергии тела – праны.

Традиционно символика воздуха связывается со свободой, светом, полётом, лёгкостью, высотой. Наряду с огнём воздух соотносится с активным, мужским, лёгким, духовным началом, тогда как вода и земля рассматриваются как женские, тяжёлые, материальные начала. Мужской характер воздуха (ветра) подчёркнут М. Цветаевой в стихотворении 1922 года: «В Граде Друзей://В этом пустом, //В этом крутом //Небе мужском – //Сплошь золотом <...> Так, между отрочеств://Между равенств, //В свежих широтах //Зорь, в загораниях //Игр - на сухом ветру //Здравствуй, бесстрастье душ!» («Помни закон»). Воздух воспринимается в качестве ветра, дыхания, что позволяет наделить его дополнительной символикой: в качестве дающего жизнь элемента, и как олицетворение духовного начала. В русском языке слова «воздух», «дух», «дыхание», «душа» являются этимологически родственными. В художественном мире Цветаевой воздух – символ соблазнительной опасности: «Без самовластия, //С полною кротостью, //Лёгкий и ласковый //Воздух над пропастью» («Без самовластия»); «Возле любви - тёмные смуты: \diamond //Как паутиною //Перепутан //Воздух - чуть ступишь» («Сугробы», 10); Где-то за лесом раскат громовой, //Воздух удушлив и сух» («Дама в голубом»); «Воздух прян и как будто отравлен, //Дортуар - как большая теплица» («Дортуар весной»). Воздух в помещении и воздух на просторе имеет разное качество. Воздух в дортуаре « прян и отравлен», воздух в комнате душен, но на просторе воздух лёгок: «И в заточеньи зимних комнат //И сонного Кремля //Я буду помнить, буду помнить //Просторные поля. //И лёгкий воздух деревенский, //И полдень, и покой, - » («И в заточеньи зимних комнат»). Воздух в художественном мире Цветаевой становится символом времени, как если бы каждый век обладает своим качеством воздуха: «Чернь цвела... вблизи тебя дышалось //Воздухом Осьмнадцатого века» («Памяти Стаховича», 1). Цветаева столь большое значение придавала стихии воздуха, что в 1927 году написала «Поэму воздуха», причём вопреки привычке ставить дату написания

произведения, она подписывает «Мёдон, в дни Линдберга». Дни Чарльза Линдберга – 20-21 мая 1927 года. Американский лётчик в одиночку совершил перелёт из Нью-Йорка в Париж, приземлившись на аэродроме Ле Бурже. Парижские газеты в эти дни наперебой писали об этом. Героический поступок Линдберга впечатлил Цветаеву и вдохновил на создание поэмы. Но это поэма не о полёте на самолёте. Незадолго до указанного события, в жизни Цветаевой произошло другое событие, которое она глубоко переживала. 31 декабря 1926 года умер Р.М. Рильке, поэт, с которым Цветаева чувствовала духовную близость. Силой поэтического воображения она представила, что должна чувствовать душа человека, выйдя из тела в момент смерти. Так что эти два события: смерть Рильке и полёт Линдберга вдохновили Цветаеву на создание поэмы. Нам известны физиологические свойства атмосферы. Нам известно, что может чувствовать живой человек, поднимаясь в небо на самолёте. А высоте пяти километров начинается кислородное голодание и снижается работоспособность. Выше 15 километров дышать уже невозможно, хотя кислород в атмосфере ещё присутствует. Впрочем, он присутствует в атмосфере до 115 километров над уровнем моря. После 20 километров смерть наступает мгновенно, ибо кислород иссякает и дышать становится нечем. Цветаева задаётся вопросом, что может чувствовать излетевшая из тела душа? В какой мере касаются её физиологические свойства атмосферы? Именно это и попыталась представить Цветаева. В основу своего представления о воздушных слоях атмосферы она кладёт мифологическое представление о семи небесах («heilige Sieben»). На первых порах, поднимающаяся ввысь душа ощущает сопротивление воздуха: «Сопротивлением//Сферы.//Как сквозь рожь//Русскую, сквозь отроду – //Рис, тобой Китай!». Цветаева делает умозаключение: «Первый воздух – густ». Чем выше поднимается душа, тем меньше сопротивления она испытывает. Воздух становится лёгким и душа скользит в нём наподобие рыбки в воде. Затем воздух становится – пуст. Это третий слой. Чем выше, тем разреженней воздух. В четвёртом слое он становится редким и резким, а затем цедким. Пятый слой воздуха – гудкий. Все звуки мира – отсюда. Шестой и седьмой слой душа пролетает в преддверии полной свободы. Наконец, душа вырывается за пределы земной атмосферы: «Кончен воздух. Твердь». Твердь понятие библейское. У Цветаевой твердь – не само небо, а космос. Ощущение этой свободы, это не ощущение свободно парящего тела, а ощущение свободно парящей головы, лишённого тела, т.е. одного разума. Цветаева сравнивает это состояние со шпилем, обронившем в полёте тело - собор. Земле – земное. Шпиль – лоб, разум – не небесное даже, а космически божественное. Разум вырывается за пределы земной атмосферы. Шпиль гонится за собственным смыслом. Собор гонится за шпилем. Разум гонится познать смысл бытия. Преодоление атмосферы есть последнее преодоление материи перед последней окончательной свободой.

ВЕТЕР. Движение воздушных масс создаёт ветер. Сильный ветер (ураган, буря) является вестником божественного откровения, - бог отвечает

Иову из бури, в грозе и буре получает откровения Иоанн Богослов. Символика дуновения, ветра как «духовной стихии» вообще смешивается с подобной же символикой огня и света. По ветру как лёгкой, духовной субстанции прилетают крылатые божественные вестники - ангелы, однако тот же ветер служит в иудаизме и христианстве местопребыванием и демонизированных крылатых существ (например, представления о Люцифере как «князе воздушном»). Ветер рисуется как обиталище множества духов; среди них помещают и души умерших людей. Ветру присущи такие качества как: лёгкость, подвижность, изменчивость, проницаемость, безграничность, общительность, любопытство, легкомысленность, бесформенность, объединение, свобода, независимость. Ветер – символ неодолимого действия стихии. В античные времена ветру приносили жертвы. В «Илиаде» Гомера есть эпизод, когда в Авлиде приносят в жертву ветру дочь Агамемнона и Клитемнестры Ифигению. В стихотворениях Цветаевой до 1916 года ветер не имеет особых символических значений, он, скорее, олицетворён и является атрибутом окружающего мира. Он лёгок, благожелателен и ласков. Он говорит о том, что мир хорош и добр: «Иду вдоль гегуэзских стен, // Встречая ветра поцелуи» («Над Феодосией угас»); «Лёгким ветром колеблется штора» («Шарманка весной»). От ветра ничего не зависит в судьбе юного поэта. Волнения её души от него не зависят: «Нет ветра, но ветер есть // Над этою головою» («Что видят они?»). Ветер несёт новизну и добрые перемены в жизни: «День, когда, летя вперёд, - // Своенравно! - Без запрета - // С ветром в комнату войдёт - // Больше ветра!» («Аля», 2); «Может ветер в двери» («Сугробы» 4). Ветер может выступать в роли советника и утешителя: «Умудрил меня встречный ветер, // Снег умилил меня взгляд» («Полнолуние и мех медвежий»). С 1914 года, когда закончится относительно безмятежный период жизни поэта и начинается игра страстей, Цветаева начинает примерять различные поэтические маски, которые соответствуют некоторым сторонам её русской природы: свободолюбивой, буйной, бесшабашной, широкой и даже безграничной. То, что не может произойти в реальной жизни, свободно реализуемо в художественном мире. Сделав открытие, что душа её подвержена не только волнениям чувств, но кипению бурных, буйных и неудержимых страстей, Цветаева примеряет маски разбойницы, странницы, бродяжки. В стихотворениях этого периода ветер уже не просто атрибут окружающего мира, но становится символом, прежде всего, символом свободы передвижения, странничества, бродяжничества: «Какой-нибудь предок мой был - скрипач, // Наездник и вор при этом, // Не потому ли мой нрав бродяч // И волосы пахнут ветром!» («Какой-нибудь предок»). Ощущение простора и свободного ветра даёт социально униженному человеку чувство собственного достоинства: «Топчут песок, глину // Страннические ноги, // Топчут кремь и грязь... // Кто на ветру - убогий? // Всяк на большой дороге - // Переодетый князь!» («Всюду бегут дороги»). Бродяжничество, разбой, разгул несут в себе опасность позорной смерти. Тела казнённых разбойников становятся игрушкой ветра, который при жизни их сопровождал в пути: «Нагулявшись, наплясавшись на шальном

пиру, //Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...» («Кабы нас с тобой»). Ветер как символ свободы связан в художественном мире Цветаевой не только с маской разбойницы и странницы, но также с его способностью свободного проникновения куда угодно и когда угодно. Так влюблённая в поэзию Ахматовой, Цветаева мечтает увидиться с поэтом – без приглашений, без церемоний: «Ах, если бы - двери настежь! – //Как ветер к тебе войти!» («Ахматовой», 11). После революции ветер в художественном мире Цветаевой становится символом разнузданной свободы черни; он – мятежник, беззаконник, висельник, ветреник, хуже того, он – большевик: «Ветер, ветер выметающий, заметающий следы! //Красной птицей залетающий //В белокаменные лбы. //Длинноногим псом ныряющий //Вдоль равнины овсяной. //Ветер, голову теряющий //От юбочки кружевной! //Пурпуровое поветрие, //Первый вестник мятежу, - //Ветер висельник и ветреник, - //В кулачке тебя держу! //Полно баловать над кручами, //Головы сбивать снегам, - //Ты, моей косынкой скрученный //По рукам и по ногам! //За твои дела острожные //Расквитаемся с тобой, - //Ветер, ветер, в куртке кожаной, //С красной — да во лбу - звездой» («Ветер, ветер выметающий»). «Удержат ветер в кулачке» занятие бесперспективное и безнадежное. Ветер это неуправляемая стихия, как и революция. Ветер символизирует революцию, как явление стихийное. Это ветер разрушающий, истребляющий, жестокий и безжалостный. Цветаева называет свой век ветреным. И это не в смысле легкомысленности, хотя и этот смысл присутствует, но в смысле ненадежности основ жизни, разрушаемых с поразительной лёгкостью. Ветер истребляет Царя, правительство, государство, армию, старые символы государственности. Поэт пытается противостоять ветру. «Знаешь Царя, так псаря – не жалуй» - кредо Цветаевой, остающейся верной гибнущему миру: «Так, присягнувши на верность - царствам, //Не доверяют Шатра - ветрам. <...> //Ветренный век мы застали, Лира! //Ветер в клоки изодрав мундиры, //Треплет последний лоскут Шатра... //Новые толпы - иные флаги! //Мы ж остаётся верны присяге, //Ибо дурные вожди - Ветра!» («Надобно смело признаться, Лира!»). В художественном мире Цветаевой ветер подобен псу, хищному зверю или варвару-татарину, рыщущему по степи, ищущему, кого бы ещё погубить: «Идёт по луговине лития. //Таинственная книга бытия //Российского - где судьбы мира скрыты - //Дочитана и наглухо закрыта. //И рыщет ветер, рыщет по степи - //Россия! - Мученица! - С миром спи!» («Идёт по луговине лития»). Ветер, рыщущий по степи, потому сближен с образом татарина-кочевника, что современные события напоминают поэту татаро-монгольское нашествие на Русь в XIII веке: «Рыжим татаринном рыщет вольность, //С прахом равняя алтарь и трон» («Трудно и чудно...»). Ветер в художественном мире Цветаевой может стать символом свидетеля. Ветер летает повсюду и всё видит: «О, ветер, ветер, верный мой свидетель, //До милых донеси, //Что еженощно я во сне свершаю //Путь – с Севера на Юг» («Я эту книгу поручаю ветру»; «Много ли нас таких //На святой Руси – //У ветров спроси, //У волков спроси» («А во лбу

моём...»); «Каждый стих – дитя любви, // Нищий незаконнорожденный. // Первенец – у колеи // На поклон ветрам – положенный» («Каждый стих...»). Здесь прослеживается сходство образов: к одному младенцу приходят поклониться волхвы с дарами, к нищему стиху-младенцу приходят поклониться ветры, слетающиеся со всего мира, свидетельствовать о его появлении. Ветер в художественном мире Цветаевой становится символом истории в её непредсказуемом движении: «Бури-вьюги, ветры-вихри вас взлелеяли // А останетесь вы в песне – белы-лебеди» («Бури-вьюги...»); «Повеяло Бонапартом // В моей стране. // Летит молодой диктатор, // Как жаркий вихрь» («И кто-то, упав на карту»); «Ветру веков доверяем снести // Внукам – лихую весть!» («Волны и молодость – вне закона»). В художественном мире Цветаевой ветер может стать собеседником и символизирует он современную русскую историю, т.е. революцию и гражданскую войну: «Другие – с очами и с личиком светлым, // А я-то ночами беседую с ветром, // Не с тем – италийским // Зефиром младым – // С хорошим, с широким // Российским сквозным!» («Другие – с очами»). Ветру отводится роль вестника. Он посредник между людьми, находящимися на расстоянии, в разлуке: «Я эту книгу поручаю ветру, // И встречным журавлям <...> // О ветер, ветер, верный мой свидетель, // До милых донеси, // Что еженощно я во сне свершаю путь – С севера на Юг» («Я эту книгу поручаю ветру»); «Волны и молодость – вне закона! // Тронулся Дон. – Погибаем. – Тонем. // Ветру веков доверяем снести // Внукам – лихую весть!» («Дон», 3); «Поднимайся, ветер, по оврагам, // Поднимайся ветер по равнинам, // Торопись ветрило-вихрь-бродяга, // Над тем Доном, Доном лебединым! // Долетай до городской до стенки, // С коей по миру несётся плач надгробный. // Не гляди, что подгибаются коленки, // Что тускнеет её лик солнцеподобный... // – Ветер, ветер! // – Княгиня, весть! // Князь твой мёртвый лежит – За честь!» («Плачь Ярославны», 5); «Расцветает сад, отцветает сад. // Ветер встреч подул, ветер мчит разлук» («Расцветает сад, отцветает сад»); «Златоустой Анне – всея Руси! // Искупительному глаголу, – // Ветер, голос мой донеси // И вот этот мой вздох тяжёлый» («Стихи к Ахматовой», 9). Ветер может стать символом опасности: «Но бывает такая примесь // Прерий в ветре и бездны в губ // Дуновении... Меч, храни нас // От бессмертных душ наших двух!» («Клинок»). Иногда Цветаева склонна олицетворять самоё себя с ветром: сильным, мощным, выметающим дурное из другого человека: «Не быть тебе нулём // Из молодых – да вредным! // Ни медным королём, // Ни попросту – спортсмедным // Лбом, ни слепцом путей. // Коптителем кают, и парой челюстей, // Которые жуют, – // В сём полагая цель. // Ибо в любую щель – // Я – с моим ветром буйным!» («Стихи к сыну», 3). Особенно интенсивно Цветаева обращается к образу-символу ветра в период 1917-1920 гг., когда он в её художественном мире становится выразителем бурных исторических сдвигов, потрясших основы Российской Империи.

НЕБО. В художественном мире Цветаевой движение воздуха происходит, как, впрочем, и в реальности, в пространстве неба. Воздушный океан и есть небо. Океан имеет глубину, дно, и поверхность, за которой, - безвоздушное пространство, космос. В представлении Цветаевой небо имеет свои степени высоты: небо низкое, небо высокое, небо запредельно высокое. Небо начинается не над головами людей, не над крышами домов. Оно начинается от подошв обуви: «Ведя от земли первый миллиметр над ней воздуха – неба (ибо небо начинается сразу от земли, либо его нет совсем. Проверять по далям, явления уясняющим). Ведя сверху неба – этот же первый миллиметр, но последний сверху, то есть уже почти земля, с самого верха – почти земля. Откуда смотреть» [1, 845].

Чем ниже небо, чем ближе оно к земле, тем ближе к страстям и стихия: «ах, далеко до неба!//Губы - близки во мгле» («В гибельном фолианте...»). Чем выше небо, тем оно ближе к Богу. Мысль об иерархии небесной высказана Цветаевой в статье «Искусство при свете совести» и в повести «Флорентийские ночи»: «Всё небо в розовых раковинах. (Если небо только пляж, то, что же тогда – море?)». Небо, высота в художественном мире Цветаевой есть символ духовности и это духовность разных уровней. «Купить меня можно - только всем небом в себе! Небом, в котором мне может быть даже не будет места», - писала Цветаева. Чем ближе небо к земле, тем ниже качество духовности. Степень духовности человека в художественном мире Цветаевой зависит от близости к земле. Тем выше духовность человека, чем отвлечённее его интерес к земным делам. Таким образом, небо, как символ духовности, в художественном мире Цветаевой иерархично, и его иерархия основывается на понятии семи небес: «Плоти – плоть, духу – дух, //Плоти – хлеб, духу – весть, //Плоти – чернь, духу - вздох //Семь венцов, семь небес //Плачь же плоть! – Завтра прах! //Дух не плачь! – Славься дух!» («Плоти – плоть, духу – дух»). Имея в виду иерархию неба, Цветаева употребляет понятие «дно неба» и «полный рост неба»: «говорят, что на дне оврага //Может – неба на дне!» («Овраг», 2); « - А в полную божественность //Ночи, в полный рост //Неба» («Поэма Воздуха»). В отличие от стихии воды, стихия воздуха, небо всегда прозрачны: «В небе-то – ясно //Темно на дне» («Стенька Разин», 2). Имеется в виду на дне реки, в которой утонула персиянка. Но в художественном мире зрелой Цветаевой темно не только на дне реки, но и на земле, если смотреть на неё сверху, с высоты небес: «Верно, плохо вижу, ибо в яме, //Верно, лучше видишь, ибо свыше» («С Новым годом...»). Цветаева обращается к недавно умершему поэту Рильке. По её предположению, душа Рильке вознеслась на небо, в иной мир, и оттуда смотрит на землю. Быть «я яме» – быть на земле. Цветаевский мир существует не столько на земле, сколько под небом. Эту поэтическую формулу она нашла в юности: «И будет всё – как будто бы под небом //И не было меня (Уж сколько их...»). Человек стоит на земле, но устремлён ввысь. Подчёркивая свою особенную духовность, устремлённость ввысь, Цветаева пишет: «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес, //Оттого,

что лес – моя колыбель, и могила – лес, // Оттого, что я на земле стою – лишь одной ногой, // Оттого, что я о тебе спою – как никто другой» («Я тебя отвоюю...»). Поэт принадлежит земле лишь отчасти. Его настоящая стихия – воздух. Поэт всегда живёт между небом и землёй. О Байроне Цветаева напишет: «Свершилось! Он один меж небом и водою!» («Байрону»). В стихах на смерть М. Волошина, погребённого на горе, Цветаева высказывает давно выношенную мысль – в одобрение выбранного места упокоения поэта: «Похоронили поэта на // Самом высоком месте. <...> Всечеловека среди высот // Вечных при каждом строе. // Как подобает поэта – по д // Небом – и на д землёю» («Ici - haut»). Поэт, стоящий «одной ногой на земле», принадлежит и земле, и небу. Он, по определению Каролины Павловой, «гость вселенной». Цветаева определила немного иначе – «дочь неба»: «Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!» («Знаю, умру на заре!»). «Пляшущий шаг» – это всё равно, что стоять и одновременно не стоять на земле, едва касаться земли, постоянно быть в процессе отрывания от земли в попытке преодоления земного притяжения, то есть, наполовину жить в небе. Поэт живёт наполовину в небе (стоит одной ногой на земле) не потому только, что он разочарован некоторыми явлениями земного бытия, но осознаёт свою принадлежность иному миру, даже если земля опрокидывает его навзничь: «Как с пуховых горбин // В синь горную рвалась» («Когда же, Господин...»). В художественном мире Цветаевой существует не только земное притяжение, но и небесное: «Страсть к высотам, <>; дух ли тянется ввысь или высь его тянет. Склонна думать, что кроме тяги земной существует ещё тяга небесная» [1, 929]. Зачем и к кому тянуться человеку в небе? В художественном мире Цветаевой небо обитаемо: «Роскошью майской // Кто-то разгневан. // Остерегайся // Зоркого неба!» («Разлука», 4). Земля, по Цветаевой, есть дно неба. На земле человек связан природной необходимостью. Потому-то и темно на дне неба, как на дне реки. Небо в художественном мире Цветаевой, как уже было указано, не столько космос в физическом смысле, сколько космос человеческой души – космос возвышенный чистый, благородный и глубокий. Небо противопоставлено земле с её земными хлопотами и суетой. Небо есть дух, земля есть плоть. «Божественная грусть! – Божественная высь!» («Я берег покидал...»). Эпитетом «божественный» Цветаева наделяет такие понятия как: небо, высь, лира («моя божественная лира»), бумагу, т.е. иносказательно творческий процесс («бумаг моих божественную смуту»), лестницу («всю лестницу божественную»), т.е. такие понятия, которые имеют прямое или косвенное отношение к творчеству или указывают на движение ввысь. Поэт принадлежит земле и небу, но небу всё-таки больше, и оно может стать естественной обителью его и даже могилой: «И мерещится мне: в самом // Небе я погребена!» («Высоко моё оконце...»), «Я тебя высоко любила, // Я тебя схоронила в небе!» («На назначенное свиданье...»). Быть погребённой в небе или схоронить кого-то в небе означает – любить не земной, а небесной любовью. Небо в художественном мире Цветаевой обладает определёнными свойствами. Оно

бездонно: «Как глубоко ни льни – //Небо – бездонный чан!» («Рано ещё – не быть...»). Оно может быть опасным, поскольку оно населено богами: «Бойся не тины – //Тверди небесной!» («Разлука», 4). Небо живёт своей жизнью и шлёт на землю предзнаменования: «В чёрном небе – слова начертаны». Небо – цель поэта при жизни (устремлённость к высоте) и после смерти: «Обо мне – плывучем острове//По небу – не по водам!» («Попытка ревности»), «В щедрое небо рванусь за последним приветом» («Знаю, умру...»). Земля это временная обитель, навязанная человеку насильно: «И вместо земных//Насильных небес – //Небесных земель – //Синь» («Насмарку твой стих...»). Что помогает поэту «стоять на одной ноге»? Что помогает плавать «одиноким островом» по небу?

Ощущение крылатой души.

КРЫЛЬЯ. Образ крыльев в различных мифологических преданиях рассматривался как атрибут воздушной субстанции. <...> Воздух символ воображения, полёта фантазии. В философии жизни воздух символизирует свободу воли. ...таким-то с указанием степени и звания.

В греческой мифологии есть крылатые боги и даймоны. У Гермеса есть сандалии с крылышками, с помощью которых бог летает по небу. Крылата богиня победы Ника. Эос летает на крыльях. За спиной Эроса тоже крылышки. На крыльях носятся по воздуху ветра Борей, Нот, Эвр, Зефир. Крылат конь Пегас. Зевс может превращаться в птиц: орла, лебедя, т.е. в летающее существо. В ранней юности Цветаева предсказала: «Но помните, что будет суд, //Разящий, как стрела, //Когда над головой блеснут //Два пламенных крыла!» («Идите же!»). Немного позже она напишет: «Что я поистине крылата //Ты понял, спутник по беде», «А ветер гасит огоньки //И треплет пёстрые палатки. //А ветер от твоей руки //Отводит крылышки крылатки... //И дышит: душу не губи! //Крылатых женщин не люби!» («И другу на руку легло...»). Появилась уверенность в наличии творческих крыльев. Крылья – способность к творчеству, к напряжённой духовной жизни и радости, не имеющей ничего общего с обыденной жизнью, с её рутинной и прозой. Ощущение крыльев за спиной поэта возникает именно в процессе творчества, когда душой поэта овладевает вдохновение. Обычная земная жизнь перестаёт существовать во время процесса творчества. Ощущение полёта не имеет ничего общего чувственным земным началом, отяжеляющим тело и душу человека. Полёт на крыльях вдохновения – предчувствие грядущего свободного полёта в небесные просторы – последнего и окончательного полёта. В художественном мире Цветаевой поэт наделён крыльями. Они – за плечами, они – на ногах, как у Гермеса: «Долг плясуна – не дрогнуть вдоль каната, //Долг плясуна – забыть, что знал когда-то //Иное вещество, //Чем воздух – под ногой твоей крылатой!» («Да, вздохов обо мне...»). У поэта крылат даже голос: «Всем пророкочет голос мой крылатый – //О том, что жили на земле когда-то //Вы...» («Вы столь забывчивы...»). Цветаева отступает от представлений древних римлян о том,

что гений – покровитель мужчин. В её художественном мире гений одинаково покровительствует и мужчинам и женщинам - поэтам: «За моей спиной крылатой//Вырастающий ключарь,//Еженощный соглядатай,//Ежеутренний звонарь» («Рыцарь ангелоподобный...»). Ощущение крылатости поэта наводит Цветаеву на размышление о природе и предназначении творческого дара: «И не на то мне пара крыл прекрасных//Дана, чтоб на сердце держать пуды.//Спелёнутых, безглазых и безгласных//Я не умножу жалкой слободы» («Любовь! Любовь!»). Крылья вдохновения, крылья творческой свободы даны для преодоления смерти: «Нет, выпростаю руки, стан упругий//Единым взмахом из твоих пелён//Смерть выбью! – Вёрст на тысяцц в округе//Растоплены снега и лес спалён» («Любовь! Любовь!»). Фраза, явно навеянная падением тунгусского метеорита, только с обратным эффектом. Метеорит упал и произвёл разрушения. Душа поэта после смерти взлетает, как ракета, в небо и тоже производит разрушения на земле. Ощущение крыльев за спиной во время творческого процесса отличает поэта от обычных людей, не наделённых творческим даром, не знающих, что такое вдохновение. Это восхитительное ощущение крылатости отличает высших (богов, даймонов), к которым принадлежит и поэт. Именно эта принадлежность даёт поэту право оспаривать у богов право на любовь: «Я знаю, я знаю//Кто чаще хозяин!//Но лёгкую ногу – вперёд – башней//В орлиную высь!//И крылом чашу//От грозных и розовых уст//Бога!» («Разлука», 8), «Но, выступив из берегов,//Мы бога у богинь оспариваем,//И девственницу у богов» («Поэт», 2). Поэт сравнивает себя с ласточкой, а ласточка есть Психея, т.е. душа. По верованиям древних эллинов, душа, покидающая тело после его смерти, имеет вид птицы или бабочки. Птица и бабочка существа крылатые. Представляя себе встречу с возлюбленным после смерти, Цветаева вопрошает: « - Возлюбленный! Ужель не узнаёшь?//Я ласточка твоя – Психея!» («Не самозванка...»). Однако образ ласточки в художественном мире Цветаевой символизирует не только душу, но и молодость: «Скоро уж из ласточек – в колдуньи!//Молодость! Простимся накануне!» («Скоро уж...»). Позже Цветаева заменит образ ласточки-души поэта на другой образ: «Шестикрылая, ра-душная <> Душа!» («Выше! Выше!»). В христианской иерархии божественных чинов шестикрылым является только серафим (Ис., XI, 2, 6). А. Пушкин пишет: «И шестикрылый серафим//На перепутье мне явился». Душу поэта Цветаева приравнивает к высшему чину серафима. Значение этого слова – пламень, горение, благородство. Серафимы в христианской мифологии – высшие духовные существа, близко стоящие к богу. Образ этот не случаен. Цветаева пишет о Пушкине: «То – серафима//Сила была://Несокрушимый//Мускул - крыла» («Стихи к Пушкину», 4). У Пушкина в стихотворении поэту является серафим. У Цветаевой Пушкин сам – серафим.

В поэтическом мире Цветаевой все поэты – птицы. О. Мандельштам Цветаева сравнивает с орлом: «На страшный полёт крещу Вас://Лети молодой орёл!» («Никто ничего не отнял»), А. Ахматову – с вороном: «Что на сердце вороном налетев,//В облака вонзилась» («Стихи к Ахматовой», 2), А. Блока – с

лебедем: «В певчую прорезь, в запекшийся пыл – //Лебедем душу свою упустил» («Други его...»). В художественном мире Цветаевой – своя иерархия. Так, В. Маяковского она не сравнивает с птицей, а, как и Пушкина, с ангельским чином, но стоящего ниже в христианской иерархии, нежели серафим (Пушкин). Это архангел, предводитель ангелов. Архангелы, как и ангелы, отстоят далеко от бога: «Архангел-тяжелоступ – Здорово, в веках, Владимир!» («Превыше крестов...»). У Цветаевой Маяковский – архангел, но – «тяжелоступ», т.е. имея крылья, не летает. В художественном мире Цветаевой есть не только не летающие архангелы то ли низвергнувшиеся с небес, то ли предпочитающие землю, но и не летающие птицы. Душа поэта излетает в момент смерти в виде голубя. Какой птицей излетают души мещан, слишком поглощенных земным существованием? Их души после смерти сами не излетают из тела. Их вынуждает к тому – вскрытие. И излетают их души в виде кастрированных петухов: «Каплуном-то, вместо голубя – Порх! – душа при вскрытии» («Квиты: вами я объедена...»).

Убийственный символ «крылатости» души мещанина – кастрированный петух, откармливаемый на мясо и не умеющий летать, несмотря на наличие крыльев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цветаева М. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2008.
2. Трессидер Д. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.
3. Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. М.: «ВЕЧЕ», 1997.

Анотація

Лаврова О.Л. Символіка повітря в творах М. Цветаєвої. Стаття присвячена дослідженню символіки повітря у творчості М. Цветаєвої. Автор статті розглядає традиційну й авторську символіку повітря, вітру, неба і крил. Авторська символіка у творчості Цветаєвої переважає, а традиційна використовується в ранньому періоді творчості поета. У художньому світі поета повітря пов'язаний з спокусливою небезпекою, часом, життям і смертю; вітер - зі мандрівництва, революцією, більшовиками, змінами в житті; небо – з ієрархією духовності; крила з творчістю, натхненням поета.

Ключові слова: символіка, художній світ, повітря, вітер, небо, крила.

Summary

Lavrova E.L. Symbols of air in the work of M. Tsvetayva. The article is devoted to the problems of symbolism in the works of Tsvetaeva. The poet considers the traditional and the author's symbolism of air, wind, sky and wings. Author's symbolism in the works of Marina Tsvetaeva prevails, and is traditionally used in the early works of the poet. In the art world Tsvetaeva air associated with a seductive

danger, time, life and death; wind – with wandering, revolution, the Bolsheviks, changes in life; the sky - with hierarchy of spirituality; wings – with creativity and inspiration of the poet.

Key words: symbolism, the art world, air, wind, sky, wings.

Аннотация

Лаврова Е.Л. Символика воздуха в произведениях М. Цветаевой. Статья посвящена исследованию символики воздуха в произведениях М. Цветаевой. Автор статьи рассматривает традиционную и авторскую символику воздуха, ветра, неба и крыльев. Авторская символика в творчестве Цветаевой преобладает, а традиционная используется в раннем творчестве поэта. В художественном мире Цветаевой воздух связан с соблазнительной опасностью, временем, жизнью и смертью; ветер – со странничеством, революцией, большевиками, переменами в жизни; небо – с иерархией духовности поэта; крылья с творчеством, вдохновением поэта.

Ключевые слова: символика, художественный мир, воздух, ветер, небо, крылья.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Л.Г. Фризманом.